

ДЕНЬ ПРАВДЫ И ЛЖИ

An anime-style illustration of a man and a woman with long, flowing white hair embracing in a dark, starry night sky. The man, on the left, wears a black cloak and has his eyes closed as he leans towards the woman. The woman, on the right, has her hair styled in a braid with a flower and also has her eyes closed. They are both wearing black garments. The background is a deep blue night sky filled with stars and faint constellations.

МАРИ
ВУДС

18+

Мари Вудс

День правды и лжи

<https://litres.ru/74648072>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга для всех, кто зачитывался темным ромэнтэзи Ребекки Яррос, Сары Дж. Маас и Кассандры Клэр. Мастерски выполненный слоуберн с тропом from haters to lovers и захватывающим магическим сюжетом.

Когда-то я верила в силу, в себя и свой Отряд. Теперь верю только в кофе и в то, что доживу до дня, когда отдам все долги. Мою душу заложили ещё до моего рождения и оставили единственный выбор — попробовать выжить.

Меня зовут Кайла. Моего Отряда больше нет. Земля покрывается льдом, а мой мир держится на надежде и кофеине.

А потом в моей жизни появляются эти двое — мой враг и мой новый союзник, от которого мне стоило бежать ещё в самом начале.

Раньше горели только мосты за спиной. Теперь горит весь мой мир. Изнутри.

Если это любовь — у неё вкус пепла.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мари Вудс

День правды и лжи

Глава 1

İsaz Остановка. Заморозка. Ожидание.

Единственным оставшимся звуком был шум пульсирующей по венам крови.

Воздух застывал прямо в лёгких. Начался снег. Снежинки ложились на асфальт рядом со мной и таяли.

Я была одной из них.

Снежинкой, летящей навстречу своему концу.

— Там было минус двести семьдесят, а ты всё ещё жива, *ma belle*. Ты Снежная Королева?

Его голос вырвал меня из расползающегося по нитям сна. Он склонился над кроватью, нечеткий в лучах восхода. Светлые волосы, подсвеченные солнцем, делали из него ангела в сияющей короне. Я не видела его лица — оно было в тени.

Попыталась встать, но сил не хватило даже приподнять голову. Простыня подо мной была тонким куском льда. А потом мир смешался в хаос, и я снова провалилась в темноту.

Когда я открыла глаза, на улице была ночь. Непроглядные тучи глотали луну и дрожащие жёлтые звёзды. А в моей комнате горел огонёк свечи, зажжённой чьей-то заботливой

рукой. Через высокие французские окна с кровати я могла рассмотреть только макушки старых кленов. Дом тоже был старым. Или скорее древним. Всё, начиная от балок на потолке и заканчивая столиками и креслами, годилось для каталогов музея.

Картины на стенах однозначно были подлинниками. На одной из них девушка обнимала полосатую кошку. Обе они спали. На другой кошка, тоже полосатая, не спала, а смотрела на меня, а девушка — на кошку. На третьей картине, вышедшей из-под кисти того же Ренуара, кошка лежала на коленях, свернувшись уютным клубком.

Хозяин дома явно был поклонником импрессионизма и любителем кошек. Я полежала ещё несколько минут, раздумывая, как хитро должен быть устроен мой мозг, способный сохранить такие сложные названия, как «импрессионизм», но не способный удержать моё собственное имя или хотя бы какое-то событие из моей жизни.

Там, где должны были быть воспоминания — не было ничего.

Я посмотрела на свои руки: тонкие пальцы, длинные золотые ногти. Золотой ободок кольца. Отбросила одеяло. Кто-то заботливо одел меня в рубашку из невесомого батиста. В тонкой ткани чувствовалась ручная работа. Ногти на ногах тоже оказались золотыми.

Я обвела глазами комнату в поисках предмета с отражающей поверхностью, надеясь, что я вспомню себя, как толь-

ко увижу. Все свободные стены были заняты шкафами для книг. Напротив кровати стоял шахматный столик с двумя креслами. Но ничего, похожего на зеркало, не было. Зато была ещё одна дверь, которую я не заметила вначале.

За ней оказалась ванная. Увидев себя в зеркале, я решила, что тот мужчина, назвал меня Снежной Королевой совершенно правильно. На коже, на волосах и ресницах блестели снежинки инея — кажется, я ещё полностью не разморозилась. Живыми были только глаза. И только они имели цвет. В них, как в тропическом море, смешивались все оттенки зелёного и голубого.

Девушка в отражении была мне незнакома. Высокая, стройная. Светлые волосы спускались до низа спины, завиваясь мягкой волной. Лицо — из тех, что запоминаются сразу: в нём чувствовалась примесь разных кровей. Высокие скулы, тонкий прямой нос, чётко очерченные губы — всё складывалось в красивое, но чужое лицо.

Я провела по щеке кончиками пальцев, а потом комната опрокинулась и все стены, потолок и пол раскрылись, открыв путь в разные стороны тёмного лабиринта.

Когда я очнулась, над деревьями поднималось сияющее солнце. Мужчина, сидящий на моей постели, наблюдал за рассветом. А я наблюдала за ним. Я притихла, стараясь почти не дышать и не шевелиться, чтобы не выдать, что я уже не сплю.

Он напоминал мне капитана, следящего за бесконечной

водной гладью со своего капитанского мостика. Морскому ветру в самый раз было бы развеять его светлые волосы, солнцу — целовать загорелое лицо, а сильным рукам — сжимать штурвал, посылая корабль по волнам навстречу новому дню. Будь он моряком, он был бы, скорее всего пиратом, потому что в облике его мне почудилось что-то хищное.

Он почувствовал мой взгляд и повернулся. Глаза у него оказались синие, насмешливые.

—Мы знакомы? —спросила я, заранее чувствуя ответ. Он улыбнулся, обнажив гладкие белые зубы, и покачал головой.

—Что я тут делаю? —спросила я, приподнимаясь на постели, чтобы лучше его видеть.

—Это неправильный вопрос, *ma belle*, —негромко сказал он, наклоняясь ко мне.

—А какой правильный?

—Подумай.

—Как я тут оказалась? — я замерла, ища в его лице хотя бы намёк на разгадку. Заметив моё внимание, он улыбнулся снова, а я подумала, что он, наверное, из тех мужчин, по которым женщины сходят с ума.

—Ты попала в аномальную зону, *ma belle*, и превратилась в ледышку. Но ты выжила, и я хотел бы знать, как тебе это удалось.

—В аномальную зону? —спросила я, чувствуя, как сердце на миг замирает.

—Да, в одну из двух. —пояснил он. —В момент обледе-

нения там был почти абсолютный ноль. Потом потеплело до минус пятидесяти и мне удалось тебя оттуда вытащить. Расскажи мне о себе. Как ты там оказалась?

—Я ничего не помню. Ни имени, ни прошлого. — показала я головой. От этого движения ещё острее почувствовалось пустое пространство внутри черепной коробки.

—Значит, начнем с чистого листа, — улыбнулся мужчина и протянул мне руку. —Кристиан.

Мне нечем было ему ответить, но он всё равно взял мою ладонь аккуратно, почти за кончики пальцев, и сказал с улыбкой:

—Рад с тобой познакомиться, прекрасная незнакомка.

Я подумала, что он сейчас поцелует мне руку, как в старых фильмах, и уже приготовилась забрать её, но он этого не сделал. Просто вернул мою ладонь обратно и отошел.

А мне нужна была хоть какая-то информация.

—Сильно я замёрзла?

—Как эскимо, —на лице Кристиана снова проявилась усмешка.

—Серьёзно? — подняла я бровь, чувствуя скованность этого движения. — После такого что, можно выжить?

—Снова неправильный вопрос, *ma belle*. — иронично приподнял уголки губ Кристиан. Очередная усмешка и этот его тон взвинтили, кажется, моё раздражение на тот уровень, где обычно тонкая ниточка рвётся, и я теряю терпение.

—Если тебе он кажется неправильным, это ещё значит,

что он неправильный, — мой голос не теплее, чем минус двести семьдесят, и плевать, что комната угрожающе качнулась, когда я попыталась принять вертикальное положение.

Кристиан подошел и стал рядом, придерживая меня.

—Осторожно, можешь упасть.

Я посмотрела на него, взглядом давая понять, чтобы убрал подальше от меня свои руки.

Но он только усмехнулся и добавил абсолютно серьёзно:

— Эмоции помогут тебе вспомнить.

Я задумалась.

Значит, он сделал это специально? Разозлил меня, чтобы вызвать эмоции? Ну что ж, попробуем.

—Любишь кошек? —спросила я примерительно, и глазами показала на полотна с кошачьими историями. — Или импрессионизм?

Кристиан ответил улыбкой, за которой скрывался ответ, скользнул взглядом по картинам, а потом снова посмотрел на меня.

—Разбираешься в искусстве?

Я пожала плечами:

—Возможно. А ты?

—Смотря, что ты понимаешь под искусством, *ma belle*.

—Ницше сказал, что искусство нам дано, чтобы не умереть от истины.

—Значит, Ницше и Ренуара ты помнишь, — рассмеялся мужчина. —А себя забыла?

Я пожала плечами.

Как будто я специально.

—Где моя одежда? Документы?

—Одежду пришлось выбросить. Сумочки при тебе не было.

—А что было?

—Чёрное платье от Валентино, золотые туфли Маноло Бланик. И золотое нижнее бельё от Харлетт, —последние слова Кристиан произнёс с лёгким оттенком интереса, словно пробуя на языке.

Золотое нижнее бельё и туфли? Вдобавок у меня золотые ногти.

Я покачала головой, пытаюсь уловить в этом смысл, но ни одна идея не пришла мне в голову.

—Выходит, мне нравится золотое, —сказала я вслух.

—Возможно, —кивнул Кристиан. —Или чёрное.

Я снова пожала плечами.

Если бы я знала!

—Может, у меня есть татуировки? —предположила я, искренне надеясь, что моё имя красуется где-нибудь у меня на предплечье. Вместе с моим адресом.

—Ни одной. —покачал он головой.

—Откуда ты знаешь? —прищурилась я.

—Я тебя раздевал, —спокойно ответил Кристиан, как будто раздевать незнакомую девушку было для него совершенно нормально. Хотя, судя по тому, как он себя ведёт, на-

верное, было. — К тому же портить своё совершенное тело каким-нибудь жалким изображением ты бы не стала. Ты явно себя любишь, *ma belle*, — на его лице снова появилась эта улыбка, как будто ему было известно что-то, чего не знала я. И как будто ему это доставляло удовольствие. — Знаешь, сколько стоит твоё бельё?

Раздражение вспыхнуло быстро, как сухая трава: мгновенно и горячо. Я отстранилась, шаг назад — проводя черту между нами. Но его слова — эхом в памяти, уже звучали иначе.

Мягче.

Это была не издёвка, а новая попытка разбудить мои эмоции. Я чуть склонила голову, раздумывая над его словами. Конечно, он снял с меня одежду. И поинтересовался марками вещей, которые были на мне. Это было правильно — проверять любую зацепку.

Я подошла к шахматному столу, легко коснувшись доски. В голове кружил водоворот мыслей.

Этот мужчина спас мне жизнь. Принёс в свой дом. Отогрел. Мог бы просто отвезти меня в больницу, а не укладывать в свою постель в ночной рубашке, вытканной вручную.

Пальцы скользили по фигурам, исследуя расстановку. Гладкость полированного дерева я всё ещё не чувствовала, но смысл игры был мне понятен — белые проигрывали.

Если я превратилась в ледышку, почему он не отвёз меня в больницу? Разве не так было бы правильно?

— Почему я тут, а не в больнице? — спросила я, поднимая ферзя и переставляя на другую клетку — теперь король оказался в ловушке. Ни шага — ни туда, ни обратно.

Кристиан склонился над фигурами, внимательно изучая расстановку сил на доске.

— Тебя бы отвезли в морг, — ответил он, кладя короля на бок, чтобы подтвердить Мат.

— Всё было настолько плохо? — спросила я, осмысливая услышанное и возвращая ферзя на исходную позиции.

— Да. — кивнул Кристиан, поднимая короля и ставя его обратно на доску. Фигура глухо щёлкнула о дерево.

— И как ты узнал, что я выживу? — спросила я, оставляя шахматы и возвращая взгляд к нему.

— Я не знал. — ответил Кристиан, расставляя пешки ровными рядами друг напротив друга, как две маленькие армии.

— Тогда почему я здесь?

— А это важно? — спросил Кристиан, прищурясь. Предлагая мне очередную загадку, ни на одну из которых я пока не получила ответа.

Мне начало казаться, что это на самом деле не закончится — я никогда ничего не вспомню и ничего не пойму. Я вернулась к фигурам на доске и поправила их так, чтобы ряды были идеально ровными. Это простое действие хоть немного успокаивало. И кивнула:

— Конечно.

— Вряд ли. — покачал головой Кристиан. — Важно, что на

Земле теперь появляются зоны, где всё живое моментально превращается в лёд. И мы не знаем, сколько их ещё будет.

На миг я застыла. В груди всё сжалось. Хотелось задать ему десяток вопросов. Где это было? Много ли людей пострадало, кроме меня? Удалось ли ещё кому-нибудь выбраться?

Но ответы на них уже ничего бы не изменили.

— Кроме тебя никто не пострадал, — негромко произнёс Кристиан, словно услышав мои мысли. — И я выставил охрану, чтобы туда больше никто не попал. Так что пока не о чем волноваться. — добавил он.

— Пока? — переспросила я.

Кристиан перевёл взгляд на меня.

— Что?

— Ты сказал: «пока не о чем волноваться».

Он чуть заметно улыбнулся.

— Именно.

И добавил: — Хочешь чаю, *ma belle*?

— Не знаю. — равнодушно пожала я плечами, паря в точке равновесия между желанием задать ему ещё вопросы и необходимостью выбрать один из десяти, пришедших мне в голову.

— Кофе? — настойчивее спросил Кристиан.

— Нет, не уверена. — покачала я головой.

— Шоколад?

— Не больше, чем чай. — ответила я уже чуть более раз-

дражённо.

У меня нет ни памяти, ни чувств — только пустота. Как я могу что-то выбрать?

—Тогда давай попробуем кое-что, —Кристиан усадил меня в кресло. —Посиди тут, я скоро вернусь.

А что ещё мне остаётся? Эта комната—единственное место, где я могу получить хоть какие-то ответы. Когда решу, какой вопрос лучше задать первым.

Я посмотрела на шкафы, полные книг. Я помню книги. Запах переплетной кожи, старой бумаги. Помню их корешки под своими пальцами: шершавые, обтянутые холстом переплеты, грубую растрескавшуюся кожу фолиантов, холод окованных металлом обложек.

Я помню их.

Но прикасаясь сейчас, не чувствую ничего.

Я закрыла глаза, надеясь, что на ощупь смогу больше почувствовать. Использовать только одно из чувств, не отвлекаясь на другие. Погрузиться в мир, где мои руки держали томик Ницше или может какой-то роман, заставлявший напроочь забывать об окружающем мире.

Читать книги, пальцами ощущая шероховатость страниц когда-то было частью моей жизни.

Я почти вспомнила это.

А потом Кристиан проник в этот мир забытых ощущений без приглашения. Скорее всего, ступать бесшумно было его персональным талантом, потому что я слышала только стук

закрывающейся двери, а сам Кристиан уже стоял в метре от меня. У него в руках был поднос. На нём — чашки.

Детали происходящего постепенно заполняли пустоты в моей голове — я изучала мир заново. На подносе было пять чашек. Кристиан поставил его на столик, и мой взгляд без труда определил разные сорта чая и шоколад, совершенно мерзкий на вид.

— Это я пить не буду, — ткнула я пальцем в маленькую чашку с чёрной густой массой.

— Почему?

— Потому что гадость! — сморщила я нос. — На смолу похоже.

Кристиан рассмеялся, пододвигая ко мне самую большую из чашек.

— А это будешь?

В чашке было налито что-то белое.

Молоко? Как для кошки?

Да он шутит! Нет, скорее издевается! А вдруг я люблю молоко?

Выстроив перед собой в ряд две тонкие, до голубизны, фарфоровые чашки с чаем, большую — с молоком и кофейную на изящном блюде, я заглянула в каждую так внимательно, будто на их дне было затоплено моё прошлое.

Вопросы поднимаются из глубины, как пузырьки в тёмной воде. Их так много — целая жизнь за пустотой в моей голове.

Что я любила?

Чай?

Или пила молоко?

А может, кофе?

Я вообще способна ответить хоть на один вопрос? Что из этого — моё? Что согревало меня в прошлом? Что я пила, когда мне было грустно? Что оставляло на губах привкус привычки?

Наконец отодвигаю чёрный чай. Внутри чашки я не нашла никаких эмоций, а значит—не буду.

Молоко. Зелёный чай. Кофе.

Что выберу?

Воспоминание гаснет быстрее, чем я успеваю его ухватить. Но остаётся запах мокрой травы, она липнет к щекам, а на лицо падают капли. Падают, падают... Сердце ускоряется. Я знаю, что это значит.

—Люблю травяной чай. И траву, —сообщаю я Кристиану.

—Это травяной, —кивает Кристиан. В его голосе радость от того, что он угадал. Кажется, он любит побеждать.

Сжимаю в ладонях чашку, надеясь ощутить тепло. Кристиан всё это время сидит в кресле напротив. Наблюдает. Разглядывает. Он спокоен, но мне почему-то кажется, что это видимость. Просто он не привык показывать свои эмоции.

А я?

К чему привыкла я? Что я знаю о себе? Я кое-что понимаю в искусстве и шахматах, люблю красивые вещи, воду и траву.

И золотое. Возможно—чёрное.

Но это же не всё, верно?

Пока думаю над этим, сжимая пальцами стенки чашки—мозг с какой-то отстранённой медлительностью отмечает, что я постукиваю пальцами в такт мелодии. Я слышу музыку в голове. Она захватывает меня. Я жду каждый новый звук, замирая, задерживая дыхание, вслушиваясь.

И вдруг — подушечки пальцев, прижатых к чашке, начинают покалывать. После долгого холода кровь возвращается в замёрзшие руки.

А потом — запах. Тёплый, летний, живой.

Глубоко вдыхаю его и кажется, что вокруг меня включили мир.

Я чувствую его.

Чувствую!

Я сияю от счастья, как фейерверк. Я внутри взрыва — искры летят во все стороны, каждый миг переливается новым цветом торжества и всё вокруг сверкает и дрожит!

Выходит — я эмоциональна. Даже, кажется, слишком.

Если бы не Кристиан, сидящий напротив — я бы вскочила сейчас и кружилась от переполняющей меня радости. И я тоже люблю побеждать. И не люблю проявлять эмоции на людях.

Кристиан встал и отошел к окну, не спрашивая ничего, как будто понял, что мне нужно немного пространства, чтобы пережить этот момент.

Пустота в голове заставляет меня впитывать всё: эту комнату, лёгкую ткань занавесок под рукой Кристиана, его самого. Светлые волосы падают на лоб, касаясь более тёмных бровей, но не закрывают лицо—резкие скулы и прямой нос. Льняной костюм подогнан с точностью до миллиметра и сидит на нем безупречно, облекая крепкое тело. Этот мужчина выглядит не просто привлекательным. Он притягивает. Есть что-то необычайно притягательное в нём, в его насмешливых синих глазах, улыбочивых губах, в манере держаться.

Я склоняю голову набок, разглядывая его.

—Это ты зажжёг свечу мне ночью?

На мой вопрос Кристиан улыбнулся:

—А это имеет значение?

Слегка пожимаю плечами, продолжая его изучать.

—Не знаю.

—Как узнаешь, скажи, —улыбка Кристиана стала откровенно издевательской.

—Имеет. — ответила я, проводя пальцами по тонкой ткани занавески. Наслаждаясь ощущением возвращающейся реальности.

Мы стояли прямо напротив друг друга. Он разглядывал меня, а я—его. И с каждым мгновением между нами нарастало напряжение — словно ток в воздухе.

—Я подумал, что ты можешь бояться темноты, —наконец ответил Кристиан.

—Я не боюсь темноты.

—А чего боишься?

—Не знаю.

—Как узнаешь, скажи.

—А чего боишься ты?

Кристиан снова ответил улыбкой. И за ней снова скрывался ответ. Я хотела вернуться к выбору вопросов, но мир снова сделал шаг назад и обступил меня тишиной. Приглушённым синим цветом под массой тумана.

Кристиан тоже ничего не говорил. Казалось, он находился не здесь, а в каком-то другом месте, скользя глазами по моему лицу. Взгляд его опустился к моим губам. Остановился на них. Замер, будто неосознанно. Но через мгновение снова вернулся к глазам.

—У тебя такие глаза...—наконец сказал Кристиан задумчиво.

Я подумала, что сейчас услышу типичную для таких случаев банальность, но он ничего не сказал.

Мне стало любопытно.

—Какие? —спросила я.

Кристиан снова посмотрел на меня, как из какой-то другой реальности, из которой я вырвала его своим вопросом, и ответил:

—Не знаю.

Но потом добавил:

—Когда я смотрю в твои глаза, океан говорит со мной.

—И о чём же он говорит? —улыбнулась я.

—Он говорит со мной о солнце. О том, как оно опускается в его волны каждый день, касаясь их своим теплом. Как тонет в его объятиях, пробуждая внутри страсть, горячую, как огонь. Ты любишь солнце?

—Люблю, — ответила я, позволяя очарованию момента захватить меня. Чувствуя, как мир снова начинает дышать.

—И о теплом ветре, который скользит по поверхности океана, едва касаясь его своими крыльями. Медленно, до дрожи сливается с ним и улетает, чтобы вернуться снова. И снова. И снова. Ты любишь ветер?

—Люблю.

—И ещё он рассказывает мне о том, как вода ласкает песок. Как проникает в него. Наполняет. Скользит в глубине. Ты любишь воду?

—Люблю.

—Ты трижды сказала мне «люблю», *ma belle*, — улыбнулся Кристиан, и глаза его заблестели. — Это хороший знак. Значит, ты готова отдать мне своё сердце.

—Всем известно, что у красавиц нет сердца, — рассмеялась я и отвела взгляд.

В его словах был явный сексуальный подтекст. И не только в словах, он был во всём: в том, как он говорил, как двигался, как смотрел на меня.

—А что ты любишь больше всего? — задал он новый вопрос.

—Думаю, рассветы, — предположила я.

—Рассветы? Почему? —удивился он.

—Ну, на рассвете тебя ожидает день, которого ты никогда не видел. А мир — это подарок, который ты получаешь каждое утро. — сказала я и каждое слово отозвалось внутри как что-то глубоко знакомое.

В ответ на мои слова Кристиан мягко рассмеялся.

—Надеюсь, он тебя не разочарует, *ma belle*.

—Кто?

—Мир.

—Надеюсь, — согласилась я и отодвинула штору, чтобы рассмотреть парк за окном.

Ветер ловил опавшие листья и запускал их в небеса, как воздушных змеев. Кристиан вернулся к креслу и сел, закинув ногу за ногу и сложив руки на подлокотниках. Он выглядел расслабленным, но в его позе чувствовалась собранность человека, который всегда готов к действию, несмотря на кажущуюся безмятежность.

А если эта пустота внутри — навсегда?

Что мне делать, если я никогда так и не вспомню?

Несколько секунд я крутила эту мысль в голове, обняв себя за плечи, как будто это могло сдержать дрожь, ползущую по коже. Сердце неожиданно сжалось от безысходности, в которой потерялась надежда, и даже ощущение того, что я жива.

Почему я оказалась там? Почему замёрзла? И как я после

такого ещё жива?

Кто же я?

Сейчас я никто. Пустая оболочка. Если память ко мне не вернётся — придётся начать жизнь заново. Выучить новое имя. Привыкнуть к своему лицу. Отпустить всё, что раньше было моими смыслами и придумать новые.

Прижимаюсь щекой к оконному стеклу. Улица теперь серая от полос ливня. Вода потоком течёт по окну. Поверхность стекла едва ощущается через всё ещё скованную холодом кожу. В комнате тихо, слышен только шорох дождя на улице.

Тишина давит на уши.

Чтобы заполнить её, открываю двери на террасу. Впускаю в комнату шум ливня. Хочется шагнуть под струи и смыть с себя это оцепенение. Наконец начать чувствовать, как раньше.

Так почему бы не попробовать?

Делаю шаг навстречу падающим каплям. Закрываю глаза, подставляю им лицо. Дождь облепляет промокшей тканью тело. Льёт на волосы, кожу. Гладит меня теплыми струями.

Это тепло становится для меня откровением.

Сердце бьётся быстрее. Тепло следует за каплями по спине, по рукам, по шее. Я чувствую, как оживает моё тело.

А потом — прикосновения ладоней Кристиана к моим и медленные движения вверх, к локтю — кожа к коже.

—Ma belle, —шепчет он тихо мне на ухо. Его шёпот ка-

сается влажного тела, и за ним следует взрыв мурашек по спине.

Задерживаю дыхание, пытаюсь продлить это ощущение. Закусываю губу, выгибаюсь навстречу, чтобы теснее прижаться к ласкающим ладоням.

Это прекрасно — стоять так, не видя его, но ощущать всё, полностью. Это так невероятно — снова чувствовать!

Кристиан разворачивает меня к себе, наклоняет голову и легко, почти невесомо, касается губами моих губ—я перестаю дышать от остроты этого прикосновения.

Я не хочу думать. Только обнимать. Впитывать. Запах дождя и его волосы под моими ладонями.

Этот мужчина красивый и в то же время почти пугающий; в нём есть что-то, тёмные тайны, постичь которые можно, только рискнув подойти ближе. А я точно люблю тайны. Растущий пульс подсказывает мне это.

Мягкое движение головы—вниз. И он останавливается, глядя мне в глаза. Наблюдая за реакцией. Проверая, понимаю ли я, что происходит.

Нет, Кристиан, не останавливайся.

Я хочу почувствовать ещё.

Тепло. Ласку.

Я вижу в его глазах солнце.

Горячее.

Жадное.

И тянусь к нему, а он отвечает.

Сначала это просто прикосновение.

А потом поцелуй.

Медленный. Мокрый. Скользящий.

От которого темнеет в глазах и с губ срывается стон.

Это прикосновение будит во мне что-то новое. Обжигающее. Что-то, что заставляет хотеть вдохнуть его.

Судорожно. Сладко.

Запрокинуть голову, обхватить его плечи и позволить занести меня в дом. Мы оба—мокрые, и кажется, одинаково наполнены страстью и желанием. Комната кружится перед глазами, как внутри калейдоскопа. От остывшей ткани на теле меня бьёт лёгкий озноб, и он помогает освободиться от промокшей рубашки.

И снова целует меня. Касается губами дрожащих губ, прикрывая глаза и судорожно выдыхая, ощущая мой вкус. Давая мне почувствовать свой. Его губы такие горячие и такие невысказанно-нужные сейчас.

И когда этот поцелуй из простого желания почувствовать хоть что-то стал таким всеобъемлющим? Стал чем-то, что перекрывало воздух? Не позволяло отпустить его плечи.

Я не помню, какие бывают поцелуи, но в моём теле впечатана эта память. Она диктует, что мне делать. Зарываюсь одной рукой в его волосы, а второй притягиваю к себе. Ближе.

Он откликается на мой призыв, отпускает одно плечо и поднимает руку к моему лицу, надавливая на подбородок большим пальцем, не отрываясь от моего рта, заставляя по-

слушно приоткрыть губы. Проникая языком внутрь — глубоко и влажно. Жарко.

Сердце в груди бьётся с такой силой, будто вот-вот вылетит. Импульсы желания расходятся по телу.

Интересно, так со мной было и раньше?

Или только с ним?

Или это так страстно, так невыносимо чувственно потому, что ещё час назад я не ощущала этого мира?

Мне нравится его запах, и я зарываюсь в его влажные волосы обеими руками и притягиваю его ближе. Вдыхаю полной грудью, как до этого вдыхала дождь.

И тогда он раздевается. И, кажется, вместе с одеждой снимает с себя оковы цивилизации, становясь дикарём, не признающим ограничений. Во взгляде синих глаз читается такая первобытная страсть, что мне хочется впитать в себя это выражение лица. Полное желания до закипающей крови.

Его голос низкий, волнующий. Он шепчет мне что-то на французском, а я ни слова не понимаю, но ловлю интонацию каждой фразы, как будто это музыка, которая никогда больше не прозвучит.

Слова тут не важны.

Важен голос, в котором есть всё: властность, призыв услышать, отзвук страсти и обещание удовольствия, ожидавшего впереди.

Я пропускаю его влажные волосы сквозь пальцы, глажу его сильное тело. Чувствую пламя, в котором он горит. И

пропадаю в глубине его взгляда, сцепленных рук, жаркого тела. Он обнимает меня и заставляет ощущать то, чего я даже не представляла.

Его глаза смотрят на меня так, будто я — это всё. Весь его мир. Во всяком случае сейчас. Именно это вижу я в синем море его радужек, когда он наклоняется надо мной.

Какая женщина сможет устоять?

Но на какую-то секунду я замираю. Мозг лихорадочно пытается принять решение. Остановиться? Я же вижу его первый раз в жизни!

Смешно! Моей жизни—всего день!

А если у меня кто-то есть?

Хрустальные капли на люстре качаются, словно от дуновения ветра, их свет сеет искры на тёмном дереве. Этот момент никогда не повторится. Так, как сейчас, уже не будет. С кем бы я не была раньше — способен ли он хотеть меня так же, как сейчас — этот мужчина? Способен ли он вызвать во мне такие же ощущения, как сейчас — Кристиан?

Об этом нужно думать, но так случается, что все доводы рассудка тонут в раскаленной крови. Растворяются в обжигающем воздухе.

Теряются в спутанных мыслях.

Пока я тонула в сомнениях, Кристиан отвернулся и лёг, смяв подушку в тугую ком под скулой. Давая мне шанс на отступление.

Я проводила взглядом по светлым волосам, от влаги за-

вившимся сильнее. Теперь я знаю, какие они гладкие. Ладонь сжата в кулак, как будто это помогает ему сдерживаться.

Я смотрела всего минуту, но почему-то не могла отвести глаз.

Даже если я ничего не вспомню, но я буду знать, как это — когда до дрожи внутри хочется прикоснуться к коже губами, руками, ощутить кого-то рядом — ближе к себе. Ощутить силу, скованную под кожей в его руках.

Сознание сразу подбросило образы, как эти руки сжимали мои плечи, пока жадный язык касался моих губ.

Протягиваю руку, провожу по его спине ладонью, стираю последние капельки недавнего дождя. Прижимаюсь к лопаткам грудью, скольжу раскрытой ладонью вниз, к его животу, который тут же напрягается.

Необходимость чувствовать, прижимать к себе я поняла, вспомнила. Вспомнила тоску по этим ощущениям.

Низкий стон срывается с его губ, приглушенный стиснутыми зубами. А я продолжаю скользить по его спине теперь уже губами, покусывая, вылизывая каждый позвонок. Чувствуя, как он дрожит всем телом от желания.

И тогда он разворачивается ко мне. Его взгляд горит, изучая моё выражение лица. Челюсть сжата, а дыхание прерывистое. Будто он ждёт чего-то.

Может, моего «нет»?

Но как отказаться, если он смотрит на меня так, что

не хватает дыхания, чтобы сказать... Просить. Умолять его остановиться.

Даже если бы я захотела...

Только как это сделать, когда прикосновение его нетерпеливых губ и влажного языка к коже напрочь уничтожило все мысли — разорвало их на части и развеяло прахом.

Нужны были его объятия, его руки, сильные, умелые, знающие, как надо, как будет приятно, хорошо. Хотелось ощущать биение сердца под ладонью. Любоваться его губами—влажными, соблазняющими, когда он снова тянется ко мне и целует приоткрытые губы. Прижиматься ещё ближе, чувствуя его пылающую кожу своей и низкий и хриплый стон, отдающийся на языке.

Только его кожа и разрывающее душу тепло.

Только встречаться с синими глазами, полными солнца и тут же откидывать голову назад, не сдерживая стона от движущихся по обнаженной коже рук, от ощущения жадных жарких губ на своей шее.

А потом—ещё взгляд. Не просящий—приказывающий. Диктующий мне единственный верный выбор.

А он и правда властный.

Но только—разве это приказ? Или это обещание? Или необходимость там, на дне его подчиняющих разум радужек? Какая-то слишком-нужность, для которой, наверное, ещё не придумали верного слова. Разве не желание или, скорее, жажда, заставляет его смотреть так, не отводя взгляда

от моих глаз?

Это всё, что сейчас важно.

И больше ничего. Остальное—не сейчас, не сегодня.

А дальше я теряю связь с реальностью. Его безумие накрывает меня с головой. Его близость. Хриплый шепот пробирается в мой мозг, отнимая дыхание.

—Как ты красива, *ma belle*.

Слова разносятся удовольствием по сосудам вместе с шумящей кровью. Я вижу свои руки на его теле—ко мне вместе с ощущениями вернулся нормальный цвет кожи.

Мне кажется, я никогда не забуду, каким жадным был Кристиан, какими жадными были его прикосновения и как одержимо его ломало от того лишь, что я к нему прикасалась.

Одержимость.

Кажется, это называется так. Им движет одержимость—чистая и сияющая под кожей.

Быть во мне. Горячо и глубоко, двигаясь, смотреть в запрокинутое лицо.

Видеть меня принадлежащей ему.

Полностью—ему.

Потом, прижавшись лбом к его разгоряченному плечу, я смотрела на небо за окном, полное звёзд, слушала его дыхание и чувствовала близкое необходимое тепло, всем существом ощущала прозрачный ясный покой.

Много ли покоя было в моей жизни до этого?

Понятия не имею. Но в ней точно было много ночного неба—звёзды за окном вызывали во мне почти детский восторг. В этой влажной тьме с открытыми в непроглядность полуночного неба дверьми я поняла, почему не боюсь ночной темноты — я слишком люблю звёзды, чтобы бояться ночи.

Кроме горячих волн удовольствия, разносившихся по телу, чувственных мурашек, собирающихся у кромки волос я чувствовала что-то ещё. Это «что-то» исходило от него потоками, накрывало меня с головой.

Внутри начала медленно вращаться воронка эмоций, ощущений, чувств, мыслей и ещё чего-то, что было со мной раньше и не было сейчас.

Магия.

Я вспомнила это слово. Магия исходит от него, заставляя растаять в нём. Заставляя ждать, когда он протянет сложенные ладони и напоит меня тишиной — как в день Сотворения в Храме.

Я вспомнила это слово—Магия. А вслед за словом я вспомнила всё. Вспомнила этот мир.

«Надеюсь, он тебя не разочарует» —так он мне сказал утром.

Надеяться бесполезно, Кристиан. Он меня разочаровал, причем давно. Тут мечты превращаются в яд, если ты не заметил.

Иногда тебе кажется—ты достиг дна. Но ты только начинаешь своё падение. Так я подумала, когда вспомнила лицо,

которое я видела на страницах энциклопедии в нашем Аббатстве.

Его лицо.

Я ещё тогда удивилась—какой он красивый.

Мы не знакомы, но я знаю, кто он.

Знаю. Знаю.

Сердце вторило бьющемуся в голове слову, а тело сжалось. Внутренности скрутило в тугой узел от осознания. Задышавшись от колотящегося в горле сердца, я сползла на пол, обхватив руками живот. У меня было секунд тридцать до того, как он догадается, что что-то не так. Подняться было почти нереально. Но пришлось.

—Мне нужно в ванную, —прошептала я едва слышно, надеясь, что он меня не остановит.

Закрыв за собой дверь, прижимаюсь спиной к стене, вдавливая позвонки в камень. Мечтая раствориться в нём.

Теперь я знала, кто он.

Разочарование накрыло меня.

Внутри застрял крик.

Он жёг мне горло.

Душил.

Закрыла глаза, судорожно сглатывая слюну, которая отказывалась течь по пересохшему горлу. В ушах отдавался грохот собственного сердца. Руки дрожали.

Так вот что это за кольцо.

Так вот кто я.

Моя голова не хотела принимать реальность. А тело—дышать. Воздух не проникал в лёгкие—мешал застрявший в горле комок. Короткие рваные вдохи и выдохи не давали телу достаточно кислорода.

Воздух.

Он нужен мне.

Сейчас.

Дыши.

Впусти в голову образы. Своё прошлое. Свою жизнь. Не позволяй замкнуться цикличной пустоте, закручивающейся под кожей.

Сильнее.

Сильнее.

Стараясь сделать меня пустой. Как раньше. Как несколько минут назад. Когда мир был простым. В котором быть живой—достаточно. В котором целовать, когда хочешь этого, —норма.

Моё имя Кайла. И теперь я в деталях могу вспомнить всё, что произошло в тот день.

Солнце стояло низко, и облака над площадью Санто-Стефано отсвечивали золотом. Тут 25 лет назад умер мой отец. Прихватив с собой своего врага —Верховного Мага Ордена Воздуха. Оставив мне свою войну. Свои долги. И свои принципы.

А его убийца оставил свою войну своему Ордену. И своему преемнику—Кристиану Ван Вельту. Из постели которого

я только что выбралась.

Святая Гора! Как такое могло случиться?

Медленно втягиваю носом воздух. Пробую сосредоточиться. Окружающий мир отступает — куда-то далеко-далеко. Остаются только звуки, образы и цифры.

47 часов назад мы с Линдой выскочили из такси на площадь под шквальный огонь Магов Воздуха.

А ещё 19 минут назад я заказала кофе и парочку джан-дуйотто, а Линда раздумывала, что она хочет: граниту или всё-таки тортик «Пистокки».

Через 2 минуты Линда отвечает на звонок, мысленно принимая решение, достойное любой сладкоежки, и поднимает руку, чтобы позвать официанта. Улыбается, снимая трубку — Аэнтю в телефоне заходится криком.

Блюдец с конфетами.

Чашка с кофе, который я никогда не выпью.

Мы выскакиваем на улицу и ловим такси. Через 13 минут я ступаю на площадь. На секунду всё замирает, и можно поклясться: мир остановился и теперь свободно дрейфует во времени.

А потом больше никаких образов.

Никаких цифр.

Только снег.

«Покажем им, кто сильнее» —звучало в нашем Ордене уже год, стихая, когда я входила в комнату. На занятиях. За обеденным столом. В гостиной.

При мне—никогда.

Все знали, что я против. Орден был не готов. Слаб. Мы только вылезли из долгов. Только набрали два десятка сопливых адептов—таких, как Руффи, как Манчелла. Мы не могли закончить войну, которую мой отец считал нашим долгом. Не могли закончить её так, как нам бы этого хотелось.

Победа. Слава. Месть.

Вот что нам было нужно. Превосходство. Сильный Орден. Как при моём отце.

Больше, чем при нём.

Кристиан сказал, что кроме меня на площади никто не замёрз.

Он мог солгать. На площади было не меньше тридцати адептов моего Ордена.

При мне не было сумочки. Конечно. Я сунула её Линде, выскакивая из машины. Телефон, документы—всё осталось там.

А если бы он их нашёл?

Никакой разницы. Там только имя. Никто в Ордене не знает, кто я.

Что мне теперь делать?

Глотая воздух, как выброшенная на берег рыба, я потянулась внутрь, в своё сознание, чтобы выхватить из ряби мыслей самое правильное решение. Сжала дрожащими пальцами виски.

Я не могла это сделать.

Слишком много вспышек мелькало перед глазами. Слишком много голосов звучало в сознании. Слишком много мыслей было в голове.

Линда осталась на площади. Аэнто. И все, кто ввязался в бой в тот день.

А я не хотела об этом думать. Я балансировала на грани— между пустотой, дающей мне свободу, и неподъёмной плитой долга, доставшегося мне от рождения.

Чистый лист. Новая жизнь.

Или старая петля на шее?

Вернуться в комнату, к нему. Прижаться лбом к его плечу вместо холодного камня. Вернуться в его объятия. Мне так сильно этого хотелось, будто его руки были самым надёжным местом во всём этом убогом мире.

Попробовать вместе найти решение?

Нет. Вместе—это не про меня.

Правильный выбор был на поверхности, а я медленно шла ко дну посреди холодного моря, без возможности не только ухватиться за него, но и без сил даже посмотреть в его сторону.

Я никогда не думала, что отсутствие сил может вызвать такую боль. В каждой капле крови. В каждой клетке.

А вот это было привычно.

Боль.

Я знаю, что это. Я живу с этим каждый день.

У тебя нет сил? Встань и иди дальше. Без сил. Мой Учитель думал так. И научил меня делать это.

Я ныряю в самую сердцевину боли.

Прохожу насквозь и погружаюсь глубже.

Глубже.

Ещё глубже.

В те уголки сознания, где боль уже не кажется такой невыносимо резкой. Где думать о том, что только что было, — не смертельно. Где можно принять, что этого поцелуя больше никогда не будет. Не будет Кристиана. Не будет сжимающих меня рук и его горячего тела. И меня—такой свободной. Счастливой. Искренней.

Не открывая глаз, начинаю считать:

Солнце прячется в дыму,

Свет меняется на тьму,

Мир уходит в тишину,

Звезда Ночи озаряет тьму,

Свет сменяет темноту...

До конца я редко доходила. И сейчас, когда привычные слова на синдарине касались моих пересохших губ, стало легче. Горький воздух потёк в лёгкие. Меня перестало трясти.

Я потеряла его. Теперь я знала это абсолютно точно. Того, кто зажёл мне огонёк свечи в темноте, чтобы я не испугалась. — Чего ты боишься? — спросил он меня утром.

Ничего.

Ничего, Кристиан. Я ничего не боюсь уже долгое время. Потому что поняла, что «бесстрашие» — синоним для «ничего терять». А я потеряла практически всё, что любила.

Теперь потеряла тебя.

Он — враг. И у меня есть десять причин, чтобы убить его, и только одна — чтобы сохранить ему жизнь. И ни одной, чтобы остаться.

Так почему я до сих пор здесь?

Отвращение к самой себе накрыло меня с головой и впиталось в грудную клетку, заставляя притихнуть сердце. Пробуждая злость, будто яд, впрыснутую в кровь.

Так и должно быть.

На войне.

Я стянула кольцо и просеялась, в хлам ломая Защитные Заклятья, окружающие дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.